

Игорь Лебедев

НОТКИ КОРИАНДРА

АРДОВЪ

Сыщикъ Ардовъ

Игорь Лебедев

Нотки кориандра

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лебедев И. Г.

Нотки кориандра / И. Г. Лебедев — «Эксмо», 2021 — (Сыщикъ Ардовъ)

ISBN 978-5-04-116771-4

При весьма загадочных обстоятельствах убит репортер Чептокральский. По виду – все признаки трагедии на почве любовной страсти, но Ардова смущают детали. Именно они приводят к раскрытию тщательно спланированной международной аферы, ради которой изощренный преступник готов не только расправиться с самим сыщиком, но и втянуть в войну целую империю. Чтобы разрушить преступный замысел, Илье Алексеевичу предстоит обыграть жандармское управление, всерьез поверившее в неотвратимость грядущей войны, о которой вот уже неделю твердят газеты.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116771-4

© Лебедев И. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Геннадьевич Лебедев

Нотки кориандра

© Лебедев И.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Обыкновенный адюльтер

Среди самых распространенных преступлений в столице Российской империи значились кражи, мошенничества и присвоения чужой собственности. Таковых за год учитывалось Центральным статистическим комитетом до двенадцати тысяч и даже более, если считать с пригородами. А вот убийств выходило не более пятидесяти. Нет, вообще смертей было порядочно, раньше срока мерли исправно: от неосторожности на фабриках и заводах, от несчастных случайностей, самовольных расчетов с жизнью, от неосторожной езды, обрушившихся построек, падений в пьяном виде или от болезненных припадков, от укушений и ударов животными, при ссорах и драках – словом, возможностей расстаться с жизнью по причинам неестественного свойства в Петербурге имелось предостаточно. Но вот именно чтобы умышленное смертоубийство – таковое считалось явлением чрезвычайным.

Оттого известие о двойном убийстве, совершившемся в шестом часу вечера в меблированных комнатах второго этажа дома 31 на углу Гороховой и Садовой, с которым в третий участок Спасской части ввалился рыжебородый околоточный надзиратель Свинцов, наделало там немало беспокойства. Ничего внятного Свинцов сообщить не мог, поскольку известие получил от старшего дворника Мошкова, который был так потрясен происшествием, что лишился способности делать сколько-нибудь складные умозаключения. «Револьвером, револьвером убил!» – вот все, что можно было разобрать в бессвязном бормотании дворника. Кто? Кого? По какой причине? – все остальные вопросы Мошков игнорировал и вместо ответа делал круглые глаза и изображал выстрелы:

– Бац! Бац!.. Револьвером!

Свинцов велел старшему дворнику возвращаться и сторожить трупы, а сам поспешил в участок.

Пристав Троекрутов решил самолично отправиться на место, понимая, что с утра ему придется докладывать о ходе расследования самому директору департамента. А еще того хуже – как бы этот директор и сам с инспекцией не пожаловал на место, – ему ведь тоже с утра на доклад к министру, дело нешуточное.

Евсей Макарович обратился к зеркалу для проверки основательности собственного вида и невольно засмотрелся на золотой крест с красной эмалью у себя на шее. «Владимира» III степени, а вместе с ним и 150 рублей ежегодной пенсии, начальник третьего участка Спасской части был удостоен полгода назад за разоблачение шайки мошенников, придумавших выманивать деньги у благонамеренной публики за сеансы медиумических бесед с усопшими родственниками. Верховодила бандой одесская аферистка Катя-Дудка, прибывшая в столицу под видом французской прорицательницы. Сами подельники эту мадам в конечном счете и кокнули, но из рук правосудия улизнуть не сумели. Евсей Макарович провел стремительное расследование и схватил виновных. Убийцей оказался некто месье Люк, он же Гришка-Капай, который хотя и отказывался от исполненного злодейства, был все же признан присяжными виновным и получил семь лет каторги с лишением всех прав состояния. И только немногие знали, что истинной причиной высокой награды Евсея Макаровича явились его заслуги в деле о спасении ни много ни мало судьбы денежной реформы, висевшей весной этого года буквально на волоске. Но об этом секретном деле приставу распространяться было строго-настрога запрещено.

– А где Ардов? – вдруг всполошился он. – Надо бы его тоже... Два трупа – дело нешуточное.

– Уже послали, – успокоительным тоном доложил старший помощник, худой высокий штабс-капитан фон Штайндлер, усердно елозивший щеткой по плечам начальника.

Илья Алексеевич Ардов состоял при участке по сыскному департаменту, и подобного рода происшествия всецело относились до его ведения. После того дела с денежной реформой ходили упорные слухи, будто Ардову приготовили кресло повыше – одни уверяли, что для него уже очистили кабинет при штабе Отдельного корпуса жандармов, другие же настаивали, что со дня на день бывший сыщик займет место начальника личной канцелярии господина обер-полицмейстера. Однако, к немалому удивлению Евсея Макаровича, Ардов продолжил каждое утро являться на службу в участок на углу Фонтанки и Горсткина. Более того, у молодого человека ни на фунт не прибавилось высокомерия и спеси, расцвет которых было бы резонно ожидать после столь успешного дела. Даже как будто напротив – Илья Алексеевич сделался еще более замкнутым и едва ли не испуганным. «Все-таки парень со странностями», – приходил обыкновенно к выводу Троекуров и этим прерывал изредка набегавшие недоумения.

Сегодня с утра старший помощник пристава отправил Ардова расследовать пропажу нижнего белья отставного прапорщика Горчицына на портомойне в Мучном переулке. Никакого ропота, на который рассчитывал фон Штайндлер, от Ардова получить не удалось – сыщик с готовностью принял поручение и отправился производить расследование.

В гостиной квартиры, куда в сопровождении чинов полиции прибыл участковый пристав, действительно имелось два трупа. В кресле неподвижно сидел мужчина в мундире морского офицера. Капитан-лейтенант опустил голову на грудь, словно решил вздремнуть. Можно было бы предположить, что он вот-вот очнется, если бы не едва заметное на черном сукне отверстие прямо напротив сердца. На ковре рядом с правой его ногой валялся револьвер системы Нагана.

Ближе к распахнутому окну, на ковре, навзничь расположился полноватый господин в креповом пиджачном костюме. На горчичном жилете отчетливо различались два темных пятна.

– Одна пуля в животе, другая – в груди, – сообщил Жарков, осматривая труп.

Письмоводитель участка, розовощекий юнец Андрей Андреевич Спасский, наконец-то привел в рабочее состояние переносной канцелярский прибор, разложил на нем бланк протокола и принялся записывать наблюдения криминалиста.

– Что можете сказать об обстоятельствах происшествия, Петр Павлович? – спросил Троекуров.

– Можно допустить, что предполагалась приятельская встреча, – Жарков кивнул на круглый стол, где стояла еще не откупоренная пузатенькая бутылка «Эксцельсиора», – да что-то вспыхнуло...

Жарков подобрал револьвер и взглянул в откинутый барабан.

– Господин офицер выпустил три пули, – продолжил криминалист, – две из которых угодили в собеседника.

– А третья где? – удивился пристав.

– Возможно, вылетела в окно, – допустил Жарков и отодвинул тюлевую занавеску, прикрывавшую распахнутые створки.

– А кто же тогда прихлопнул его самого?

– Вероятно, имелся и третий участник, – сделал еще одно предположение Петр Павлович. – Произвел выстрел из своего оружия и сиганул.

Пристав навалился пузом на подоконник и, перевесившись наружу, посмотрел вниз. Под окном имела крытая дранкой поката крыша деревянного сарая, пристроенного вплотную к стене дома, так что идея покинуть помещение через окно была не лишена оснований.

Убийство военного на территории вверенного участка весьма раздосадовало Евсея Макаровича – теперь уж точно проверяльщики не избежать.

– Кто таков, известно? – глухо спросил он, ни к кому прямо не обращаясь.

– Капитан-лейтенант Лундышев Александр Петрович, хозяин квартиры, – доложил Свинцов, уже успевший привести старшего дворника в чувство и выудить нужные сведения. – Служит на Обуховском сталелитейном заводе.

– Обуховском?.. – переспросил Евсей Макарович и посмотрел на старшего помощника, желая получить хоть какие-то объяснения случившемуся.

– Контр-адмирал Шанц, – склонившись к уху, напомнил фон Штайндлер личность председателя правления военного завода.

К ужасу участкового пристава, вытанцовывался целый заговор.

«Пара господ заявила с шампанским к военному инженеру и попыталась склонить к чему-то неблагоприятному... Возможно, имели место и угрозы... В ответ на гнусные подстрекательства герой извлек из кобуры револьвер и шлепнул одного из негодяев. К несчастью, второй оказался проворнее и успел расправиться с капитан-лейтенантом... И сиганул в окошко... – Троекрутов тяжело вздохнул. – Где его теперь искать-то?.. А без убийцы закрыть ведь дело не дадут, будут трепать на каждом совещании – вот, мол, у тебя, Евсей Макарыч, морских офицеров среди бела дня в собственных квартирах жизни лишают, а вы там у себя и в ус не дуετε...»

– Почему это не дуем? – обиделся он и тут же сообразил, что сказал это вслух.

Чины полиции с удивлением уставились на начальника.

– Я говорю, у нас тут морского офицера в собственной квартире хлопнули, а вы, господа, и в ус не дуετε! – строго сказал он.

Возразить на это было нечем.

– Что мы можем сказать господину контр-адмиралу? – продолжил распаляться Троекрутов, принявшись рассказывать по комнате. – Почему убили этого Лундышева?

С военными, как хорошо знал Евсей Макарович, дела обыкновенно добром не кончались: своих они зачесть в преступники никогда не соглашались, а совсем без виновных закрыть дело в управлении тоже не позволяли – вот и приходилось всякий раз при подобных случаях изобретать злоумышленников из числа беспаспортной рвани, надерганной в беспричинной облаве где-нибудь в «Вяземской лавре». Дело это было хотя и привычное, но малоприятное, да и – чего уж тут греха таить – с законом никак не сообразующееся.

Евсей Макарович все больше закипал, понимая, что размеренное течение жизни, до которого он был большой охотник, в ближайшее время обернется бурлящей стремниной.

– А это кто таков есть? – указал он на второй труп и уже собрался было распечь подчиненных, не умеющих ответить на элементарный вопрос.

– Это репортер Чептокральский, – раздался мягкий голос.

Присутствующие оборотили взоры к двери – в проеме стоял молодой человек лет 25. Это был чиновник сыскного отделения Илья Алексеевич Ардов, которого посыльный разыскал в портомойне в Мучном переулке и известил о приказе срочно явиться по указанному адресу. Он уже некоторое время молча наблюдал за происходящим.

– С чего вы это взяли? – хмыкнул старший помощник фон Штайндлер, которого раздражала манера молодого сыщика делать безапелляционным тоном взятые с потолка утверждения.

– Мы были знакомы, – пояснил Илья Алексеевич. – Он служил в «Санкт-Петербургских ведомостях», вел колонку криминальной хроники.

Как и положено этой братии, Чептокральский был типом энергичным и беспринципным, имел обширные связи среди половых, гостиничных привратников и уличных попрошайек, от которых за умеренную плату получал сведения о происшествиях, способных заинтересовать читателя. Зарабатывал неплохо, но быстро все спускал в кутежах и амурных похождениях, потому вечно пребывал в долгах и, как следствие, в поисках очередной криминальной сенсации. У Ардова с Чептокральским установился род деловых отношений, при которых сыщик время от времени обменивал у репортера несущественные детали какого-нибудь шумного расследования на сведения из глубин петербургской криминальной среды, которые Чептокраль-

ский хранил в своей голове без всякой системы в огромных количествах и с легкостью делился со всеми, кто мог посулить за них хоть гривенник. Был он человеком легкого и беспутного нрава, вполне безобидный; несмотря на лишний вес, одышку и вечный запах пота, считал себя неотразимым донжуаном и, как ни странно, пользовался у дам некоторым интересом.

– Очень хорошо, – сказал Троекуров, и по его тону можно было без труда догадаться, что все совсем нехорошо. – Сидел себе господин капитан-лейтенант дома, никого не трогал, с дорогой женой чай пил... И тут является к нему парочка репортеров из «Санкт-Петербургских ведомостей», всаживают пулю в самое сердце и...

Евсей Макарович не закончил живописание воображаемой картины преступления, поскольку почувствовал, что его отвлекла какая-то деталь в собственном повествовании. Какая-то мысль, которая показалась спасительной... Сидел... пил чай... А, вот: жена!

– Господин капитан-лейтенант женат? – обернулся он к Свинцову, который пока что выглядел наиболее информированным из числа имевшихся на месте чинов полиции.

– Так точно! – бодро отозвался околоточный надзиратель. – Сидит на кухне, соли нюхает. Там с ней старший дворник Мошков, – добавил он, сбавив тон, – следит, как бы руки на себя не наложила – сильно переживает.

– Ну-с, картина, кажется, приобретает ясность... – заметно прибодрившись, объявил пристав, прошелся по комнате и у двери развернулся на каблуках. – Жена крутила амуры с репортеришкой, вот и шампанское для этих нужд припасено было... Внезапно вернулся муж, – Троекуров сделал пару шагов и расставил руки, показывая, в каком недоумении оскорбленный супруг мог застать картину распутства, – увидел прелюбодеяние и в порыве страсти расправился с негодяем. Бах, бах! – Евсей Макарович произвел пару «выстрелов» из пальца. – Потом осознал весь ужас совершенного преступления, сел в кресло и – сам.

Подойдя к креслу, где покоилось тело, майор приставил палец к груди и издал звук выстрела, завершив свой нехитрый следственный эксперимент.

– Как мы видим, никакого отношения к военной службе убитого происшествие не имеет – налицо, с позволения сказать, обыкновенный адюльтер.

Евсей Макарович поправил шашку на боку и двинулся к выходу, намереваясь покинуть место преступления.

– А как же третий участник? – не сдержал удивления Жарков.

– Жена? – уточнил пристав, прекрасно понимая, кого имеет в виду криминалист.

– Нет, не жена, – насупившись, стоял на своем Петр Павлович. – Тот, кто стрелял в Лундышева. – Он указал на окно, в которое, как предполагалось, улепетнул убийца.

– Вам же сказали – имело место самоубийство, – скорчив снисходительную улыбочку, вступил в разговор старший помощник. – Добровольный расчет с жизнью в порыве горячего раскаяния. Никакого третьего не было. Дело раскрыто. – Фон Штайндлер подобострастно взглянул на начальника и получил в ответ одобрительный кивок. – Их высокоблагородие распутали преступление по горячим следам, расследовать более нечего. Я правильно говорю, Евсей Макарыч?

– Ваша версия бросает тень на честь супруги убитого, – возразил Ардов и преградил путь приставу.

– Не надо пускать в дом всякую шваль! – гневно парировал Троекуров и двинул к выходу с таким напором, что Илье Алексеевичу пришлось посторониться, чтобы не быть сбитым.

– Ардов, не забудьте о краже на портомойне, – напомнил фон Штайндлер с ехидной улыбочкой и вышел вслед за начальником.

Глава 2

«Поскорѣ приходи!»

– Самое невероятное заключается в том, – сказал Жарков, когда начальствующий состав покинул помещение, – что версия господина пристава не лишена оснований. Взгляните!

Он приставил увеличительное стекло к груди Лундышева и посторонился, давая возможность Ардову разглядеть детали. Илья Алексеевич послушно наклонился.

– Следы копоты и пороховых газов в районе входного отверстия, – пояснил криминалист. – Такие следы свидетельствуют в пользу произведения выстрела с близкого расстояния.

– Но ведь преступник мог оказаться рядом! – возразил Ардов. – Достаточно было протянуть руку...

Он показал, с какого места преступник мог совершить выстрел в тело стоящей у кресла жертвы.

– Помогите, – сказал Жарков и взялся за плечо трупа.

Илья Алексеевич ухватил с другой стороны, и вместе они аккуратно отклонили корпус покойника от спинки кресла. В верхней части спины открылась черная дыра с рваными краями и кровавым фаршем внутри; были заметны мелкие осколки костей и похожие на червячков беленькие и синенькие жилки. Ардову показалось, что ему в рот набился мокрый песок, перемешанный с карболкой. Он отвел взгляд в сторону и попытался делать глубокие вдохи, чтобы избавиться от неприятного состояния.

– Прошла навывлет и увязла в спинке кресла, – констатировал криминалист, – так что ваша гипотеза несостоятельна, Илья Алексеевич: пострадавший принял пулю уже в сидячем положении. Что, согласитесь, странно.

– Ну, убийца мог выстрелить и в сидящего человека, – заметил Илья Алексеевич, хотя и сам уже сомневался в версии с третьим участником трагедии.

– Верно, – согласился Петр Павлович, – но в таком случае направление раневого канала было бы расположено сверху вниз. В нашем же случае выход пули находится выше входного отверстия примерно на пять с половиной дюймов... То есть стреляли снизу вверх. Спасский!

Жарков отвел руку в сторону и нетерпеливо пощелкал пальцами. Письмоводитель, заполнявший протокол осмотра, безошибочно определил, чего требует криминалист, и тут же бросился к саквою. В следующее мгновение в руке Петра Павловича оказался пинцет с длинными концами. Вскоре криминалисту удалось захватить пулю и извлечь ее из спинки кресла. Он повертел перед глазами сплюснутый кусочек свинца.

– Спасский! – подал он сигнал, и юноша тут же изготовился к занесению сведений в протокол. – На пуле имеются индивидуальные особенности рельефа стенок канала ствола... что, безусловно, позволит определить, была ли она выпущена из револьвера, найденного на месте преступления, либо из другого, неизвестного нам оружия.

Вторая часть фразы предназначалась Илье Алексеевичу: криминалист давал понять, что с высокой степенью вероятности пуля, убившая Лундышева, покинула тот же револьвер, из которого был застрелен Чептокральский.

Оставив труп, Ардов принялся осматривать подоконник в поисках следов третьего участника преступления, от которого не желал отказываться – версия адюльтера была ему невыносимо противна.

– Евсей Макарыч здесь изрядно пузом поелозили, – тихо сообщил Спасский, на мгновения оторвавшись от протокола.

Вздыхнув, сыщик выглянул в окно. Никаких явных следов на почерневшей дранке не просматривалось. Илья Алексеевич аккуратно выбрался на крышу дровяного сарая и принялся

ползать на коленях, высматривая хоть какие-то приметы. На самом краю он обнаружил клочок темного сукна, зацепившийся за ржавый гвоздик. Сам по себе этот лоскут еще ничего не доказывал, но в будущем мог послужить важной уликой.

У подоконника Илью Алексеевича поджидал Жарков с какой-то бумажкой в руке.

– Прошу, – сказал он. – Обнаружена в жилетном кармане у господина репортера.

Илья Алексеевич взял записку и прочитал: «Милый! Поскорѣ приходи! Будешь обрадованъ. С.»

– Что-нибудь еще? – спросил Ардов.

– Ничего существенного. Платок, несколько монет, обрывок газеты... Щепоть измельченного красного перца...

– Перца? – вскинул брови сыщик.

Петр Павлович пожал плечами:

– Сложно сказать... Может, хотел похудеть... носил, чтобы добавлять в еду: красный перец приглушает чувство голода – меньше ешь. А может, использовал для стимулирования мужской силы.

Это предположение вынудило всех присутствующих оборотить взоры к криминалисту.

– Считается, что эта специя помогает избавиться от половой немощности, – пояснил Жарков.

– Натирать, что ли? – отважился уточнить околоточный надзиратель Свинцов, скучавший до этого у входа.

– Зачем? – удивился Петр Павлович. – Внутрь. Стимулирует кровяные токи.

Илья Алексеевич расправил газетный обрывок. Это был кусочек нижней части последней страницы «Санктъ-Петербургских ведомостей», где обычно размещают рекламные объявления в затейливых рамках над последней строчкой с выходными данными – тираж, адрес редакции и прочие детали. На клочке остались три объявления: реклама страхования жизни от страхового общества «Россія» на Большой Морской, 13; приглашение размещать заказы от частных лиц и учреждений на производство различных паровых механизмов в мастерских Балтийского судостроительного завода Морского министерства на Васильевском острове; а также предлагался к покупке шведский картон для обивки стен взамен штукатурки от картонно-тольного производства товарищества «А. Науманъ и Ко» с конторой по Гороховой, 20.

– И вот еще, – письмоводитель Спасский протянул букетик цветов, обернутый в розовую папиросную бумагу и перетянутый атласной ленточкой. – Лежал под столом.

Повертев в руках букет, Ардов обернулся к Свинцову:

– Как зовут супругу Лундышева?

– Серафима Сергеевна! – с готовностью отозвался рыжебородый блюститель благочиния.

– Проводите меня к ней, Иван Данилыч, – вздохнув, попросил сыщик.

Глава 3

Какая истина вам нужна?

Увидев сыщика в сопровождении околоточного, старший дворник молча оставил кухню. Серафима Сергеевна Лундышева подняла красные глаза. Илье Алексеевичу она совсем не показалась похожей на ветреную искательницу чувственных утех.

– Примите мои соболезнования, – начал он. – Известные обстоятельства принуждают меня обратиться к вам несколько вопросов.

– Я понимаю, – сдерживая слезы, ответила женщина.

Ее голос был похож на гранатового цвета кашемир в тонкую рубиновую полосу.

– Кто эти двое в гостиной?

– Там мой муж...

– А второй?

Вдова замерла и уставилась куда-то в сторону.

– Это репортер Чептокральский... – наконец тихо вымолвила она; губы задрожали.

– Был ли третий?

Лундышева отрицательно качнула головой.

– Вы были знакомы с господином Чептокральским?..

– Да... – сказала она еще тише. – Он приходил несколько раз в библиотеку Общества поощрения женского художественно-ремесленного труда, это на Мойке... Я там работала.

– Почему оставили место?

– Александр Петрович не хотел, чтобы я надолго оставляла дом. Он... беспокоился...

– Ревновал? – прямо спросил Ардов.

Серафима Сергеевна кивнула, и по щекам опять покатались слезы; она приложила платок к глазам.

– Какие книги предпочитал репортер? – поторопился сыщик, опасаясь, что для такой мучительной беседы у несчастной женщины остается все меньше душевных сил.

– Он не брал книг...

– Зачем же он посещал библиотеку? – поднял брови Илье Алексеевич, хотя ответ был очевиден.

– Он оказывал мне знаки внимания...

Илье Алексеевичу было неловко выпытывать детали возможно имевшей место интрижки. Лундышева, как показалось, с большим уважением отозвалась о муже – очевидно, его мнение было для нее важно... Похоже, она его действительно любила, даже несмотря на преувеличенную ревность, которая, надо полагать, доставляла ей много страданий и добавляла в отношения болезненности. Легко представить, что какое-то проявление галантности на стороне могло невольно соблазнить ее измученное супружескими подозрениями сердце. Тем более если это был Чептокральский, который, как хорошо знал Ардов, если выбирал себе объект для соблазнения, становился просто одержимым.

– А что произошло здесь?

– Я никак не ожидала... Он ворвался в квартиру и вел себя как сумасшедший. Нес всякую чушь... Все повторял, что давно ждал этого часа... Я опомнилась, только когда раздался выстрел...

Ардов протянул записку, найденную у Чептокральского:

– Это вы писали?

Взглянув на клочок бумаги, женщина бросила на сыщика какой-то затравленный взгляд.

– Откуда это у вас? – вырвалось у нее.

– Записка найдена в жилете Чептокральского.

Лундышева захлопала глазами, кажется, хотела что-то сказать, но потом отвернулась к окну. По щекам потекли слезы.

– Дело выглядит так, будто вы пригласили любовника в дом, но муж вернулся раньше обычного и застрелил его в порыве страсти, – разъяснил Ардов, как можно описать обстоятельства со стороны. Он рассчитывал, что это побудит женщину привести аргументы в свою пользу.

– Я никого не приглашала, – наконец произнесла вдова.

Ардов с досадой сжал губы – по всей видимости, у собеседницы совершенно не осталось душевных сил для разумного обмена суждениями, и она приготовилась отдаться на волю истерического припадка.

– Я не слала ему никаких записок! – повысила тон Лундышева. – Ваши обвинения отвратительны! Вы слышите? – голос ее окреп и приобрел стальные оттенки. – Не смейте оскорблять меня своими низкими подозрениями.

– Я всего лишь желаю установить истину, – попытался было вернуть беседу в спокойное русло сыщик.

– Какая истина вам нужна? – закричала Серафима Сергеевна. – Я осталась одна! Одна! Без мужа! Моя честь растоптана! Что, что вы хотите здесь расследовать?..

Женщина подскочила и двинулась на Ардова, но вынырнувший из-за спины сыщика околоточный надзиратель Свинцов оттеснил ее обратно и едва не насильно принудил пить воду из стакана.

– Зачем... зачем мучить меня? – всхлипывала Лундышева, стуча зубами о стекло. – Я сама вижу, как... как это выглядит... Я допустила ошибку... неверно себя повела...

Понимая, что ничего полезного вывести более не удастся, Илья Алексеевич оставил квартиру и спустился на улицу.

Глава 4

Черный экипаж

К парадному подъезду уже набежали зеваки – слух об убийстве офицером любовника супруги быстро разлетелся по околотку. Городовой Пампушко лениво отгонял праздную публику, монотонно повторяя: «Разойдись... Не положено...»

Дворники в холщовых передниках уже грузили труп Чептокральского на забранную клеемкой подводку. Старший дворник Мошков руководил погрузкой.

– И часто этот господин к вам захаживал? – подойдя, поинтересовался Ардов, указав взглядом на покойника.

– Дык что уж... – Бросив давать советы работникам, Мошков с готовностью обернулся. – Захаживал...

Старший дворник как-то похабно хмыкнул и нервно подергал плечом.

– И всегда в отсутствие хозяина? – уточнил Илья Алексеевич.

Собеседник невольно бросил взгляд на окна во втором этаже.

– Известное дело. Как же тут при хозяине-то...

Ардов вздохнул и посмотрел на труп Чептокральского, который как раз накрывали замызганной дерюгой.

– Так-то плохого сказать не могу... – поторопился продолжить показания старший дворник. – Обходительный был... Шутил много...

Управившись с первым трупом, дворники отправились за вторым.

– Как вы узнали об убийстве?

– Дык, а как?... – старший дворник занервничал, вспоминая происшествие. – Я как раз вот тут вот Егорке велел песочком присыпать, чтобы, стало быть, двор в исправности содержать... И тут, стало быть, слышу – бац! Бац! И крик такой, что поджилки затряслись. Матерь божия, думаю.

– Сколько выстрелов было?

– Два. И потом еще один.

– Всего, получается, три?

– Вестимо, три.

– Как вы поняли, где стреляли?

Вопрос ввел дворника в ступор. Он несколько мгновений хлопал глазами.

– Дык, а как... Сам-то Александр Петрович едва не бегом изволили к себе подняться...

А там-то его, известное дело, какой гость ждал.

– А приход Чептокральского вы тоже видели?

– Дык, а как же? Для того и службу несем...

– Он был один?

– Репортер-то? Один, – с преувеличенной убежденностью заверил Мошков.

– А Лундышев?

– Лундышев-то? Вестимо, тоже один. Никого не было. Промчался вот так вот, – старший дворник взмахнул рукой перед лицом, – бурей! Я ему: «Здравия желаем, Александр Петрович», стало быть... Куда там!

Илья Алексеевич достал из стеклянной колбочки маленькую пилюльку – он все никак не мог избавиться от вкуса карболки во рту, а белые горошинки в таких случаях помогали успокоить рецепторы.

– Сам-то Александр Петрович, конечно, строгих нравов был... – продолжил дворник, с любопытством глядя на колбочку, которую сыщик привычным движением вправил в гнездо на кожаной наручи, стягивавшей левое запястье. – Горячий человек, да... Тут уж понятно...

– Что увидели наверху?

– Дык, а что?.. Один, стало быть, лежит бездыханно, второй – то же самое в креслах, а Серафима Сергеевна кричит смертным криком, болезная... Ну, я сразу к Ивану Данилычу – доложить, стало быть...

– В котором часу Лундышев обыкновенно возвращался со службы?

– Обыкновенно к ночи уж. Так-то не раньше девяти, но бывало и того больше. Много работал, да. Что уж говорить, военный.

– А сегодня раньше обычного пришел, верно?

Дворник на мгновение задумался и как-то испуганно взглянул на сыщика.

– Раньше, – с удивлением согласился он. – Да, раньше. Сегодня раньше обычного.

Мошков с восхищением уставился на сыщика, пораженный примером столь глубокого проникновения человеческой мысли в самую суть вещей, – ему показалось, будто господин расследователь только что на его глазах раскрыл преступление. Или уж как минимум существенно продвинулся в разгадке причин, приведших к трагедии.

К сожалению, это было не так. Илья Алексеевич пребывал в растерянности. Происшествие никак не складывалось у него в лишенную противоречий картину. По всем внешним приметам версия господина пристава выглядела единственно возможной, но в голове подобно мухам летали какие-то отдельные мысли, не позволявшие принять столь простое объяснение случившемуся.

Чиновника сыскной полиции тронул за плечо Свинцов.

– Илья Алексеевич, тут вот водопроводчик Ермолаев доложить желает, – сообщил он и властной рукой вытряхнул из-за спины щуплого мужичишку в грязном переднике с пучком серых волос на голове. Тот был явно под хмельком, но держался молодцом, не заваливался, только мутный взгляд никак не мог поймать лица собеседника и все норовил занырнуть в облака, откуда ему, возможно, подмигивали ангелы.

– Я, ваше благородие, у Колывановых как раз шаровой кран починял... поломка у них вышла, екстиль...

– Не тяни! – тряхнул подопечного Свинцов.

– Выхожу – и вижу, – продолжил Ермолаев, словно встряска перебросила в нем патефонную иглу на новое место, – стоит тут вот, у сарая... Не наш жилец, екстиль! Это я вам как паче всех человек окаянен есмь... – зачем-то перешел на покаянный канон водопроводчик и принялся горячо креститься.

Свинцов опять встряхнул Ермолаева.

– Вот так вот на меня зыркнул и пошел, убо¹, – завершил он доклад.

– Опять надрался? – счел нужным встрять старший дворник, чтобы господа чины полиции не подумали, будто во вверенном ему домовом хозяйстве отсутствует должный надзор за работниками и обслугой.

– Вот так вот! – повторил водопроводчик и снова выпучил глаза, опасаясь, что в первый раз недостаточно точно передал этот дикий взгляд опасного чужака.

– Как выглядел? – вместо сыщика задал очевидный вопрос околоточный и вновь мотнул свидетеля.

– Ухо! – тут же отозвался Ермолаев. – Повернулся он ко мне вот так вот, убо... Гляжу – мать честная! Уха-то и нет совсем, екстиль! Словно корова языком! Даждь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько... – опять принялся молиться пьянчужка.

¹ Убо – стало быть (церк., стар.).

– Одноухий? – востроумился старший дворник, уловив, что наблюдение вызвало интерес сыщика. – Как же, бывал! Пару раз заходил к Александру Петровичу. В дом не поднимался, здесь ждал.

– Справа или слева? – спросил Илья Алексеевич.

– Виноват? – растерялся Мошков.

– С какой стороны шрам?

– Справа или слева? – словно желая перевести слова сыщика на низкий язык водопроводчиков, громко повторил вопрос Свинцов и в который уже раз потрянул измученного допросом Ермолаева.

Тот повертел головой, припоминая, в каком ракурсе застал незнакомца, и попытался примерить увечье на себя.

– Слева, стало быть, – наконец сообщил он.

– Точно, слева! – опять влез Мошков, желая и со своей стороны оказать пользу следствию. – Справа, кабы смотреть, есть, а слева – начисто то есть отсутствует.

– Вот так вот! – водопроводчик сделал движение, словно желал пятерней сорвать с собственной головы ухо, после чего опять принялся креститься. – Яко же бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу.

Илья Алексеевич кивнул Свинцову, и тот потащил Ермолаева прочь.

У деревянного сарая, который также решил осмотреть Ардов, был обнаружен полусгнивший сельдевой бочонок, кем-то заботливо приставленный к стенке. Именно над ним находился тот край крыши, где сыщик обнаружил свежий клочок сукна.

Все-таки исключать загадочного третьего участника преступления было пока рановато.

Вернувшись к подводе, Илья Алексеевич увидел Жаркова, который стоял на ступенях и прикуривал папироску.

– Петр Палыч, я в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей», – сообщил Ардов.

– Что вы хотите там узнать? – справился криминалист, взясь с зажигалкой.

– Пока не знаю, – простодушно ответил Илья Алексеевич. – Чептокральский вечно влезал в различные неблагоприятные делишки, не удивлюсь, если какое-то из них и привело к столь печальной развязке.

– Какие уж тут делишки, – возразил криминалист и затаился. – Госпоже Лундышевой пора вон вместе с водопроводчиком покаянный канончик разучивать, – он кивнул в сторону белобрысого пьянчужки, крестившегося у подводы.

– Не могу я поверить в ее распутство, – с ноткой отчаяния в голосе признался Илья Алексеевич.

– Да вам-то что за дело? – грубовато удивился криминалист. – Вы вашу достоивщину, Илья Алексеевич, бросьте: преступники – народ коварный, такую комедию перед вами сыграют – не заметите, как ноги им мыть бросите. Сострадание хорошо в церкви. А в нашем деле следует держать ухо востро, нам великодушные противопоказано!

– Не составите мне компанию? – справился Ардов, не желая сейчас ввязываться в спор о сострадании. – Редакция в двух кварталах.

– Пожалуй... – согласился криминалист, выпуская очередную струйку сизого дыма.

Вдруг он изменился в лице, как будто заметил нечто, вынудившее его исправить планы.

– Вернее, нет. – Петр Павлович потрянул головой и как-то суетливо засобирались. – Не могу... В участок нужно...

Илья Алексеевич обратил к товарищу немой вопрос.

– Пулю надо посмотреть, – Жарков постучал по саквою, куда поместил найденные на месте преступления предметы, – вы что же, забыли? От этой экспертизы вся картина зависит. Был ли третий, и прочее...

Всплеск служебного рвения показался Илье Алексеевичу странным. Он бросил невольный взгляд себе за спину, где за курдонером² открывалась вечерняя суета на Садовой, но ничего, что могло бы так взбудоражить Петра Павловича, не приметил: почтенная публика фланировала под крытой галерейкой вдоль магазинных фасадов – «Конфеты и шоколад М. Конради», «Магазинъ фруктовъ Георга Ландрини», «Колоніальные товары т-ва “В. И. Соловьевъ”»; среди пешеходов никто не подавал признаков курьеза или диковинности; экипажи мерно грохотали по мостовой, некоторые кареты стояли в ожидании пассажиров, отправившихся за покупками.

Илья Алексеевич не стал выказывать удивления – он уже успел привыкнуть к причудам криминалиста.

– Ну куда, куда! – вдруг закричал Жарков и бросился к дворникам, выносившим из дома второй труп. – Ногами сюда, тетери!

Петр Павлович с каким-то преувеличенным рвением устремился к телеге руководить погрузкой тела капитан-лейтенанта.

Ардов задумчиво посмотрел вслед товарищу и отправился в редакцию.

Дождавшись, когда сыщик завернет за угол, Жарков перешел на другую сторону Садовой и, воровато оглянувшись, скрылся в черной карете, которая уже некоторое время стояла здесь без всякого движения.

² Курдонер – парадный двор перед главным фасадом здания.

Глава 5

Взрыв в Сестрорецке

К обер-полицмейстеру Райзнеру со срочным докладом прибыл начальник штаба отдельного корпуса жандармов генерал Мезенцев. Дело было чрезвычайное. Ночью на военном заводе в Сестрорецке произошел мощнейший взрыв, полностью разрушивший производственный корпус. Глава штаба отрядил лучших своих расследователей и лично возглавил поиск преступников.

– Взрывной заряд был размещен в подвале, – сообщил Мезенцев о первых результатах расследования.

– Революционеры? – предположил обер-полицмейстер.

Совсем недавно было завершено длившееся более двух лет расследование по делу новой антигосударственной шайки бунтарей «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», взявшей целью разращение умов рабочих и устроение стачек по фабрикам и заводам. Публика эта была фанатичная и озлобленная, никаких разумных доводов не принимавшая. Райзнер невольно вспомнил, как в декабре 1895 года в Доме предварительного заключения ему предъявили одного из застрельщиков Союза, некоего нотариуса Ульянова. Вел себя этот рыжебородый тип нагло и самоуверенно, от неугодных вопросов отказывался, ничего «не знал» и «не помнил», от связей с эмигрантами отрекся. По злому, похожему на кашель, смеху, хитрому прищурю раскосых карих глаз, изворотливому строю речи Райзнер определил в Ульянове умного и опасного бунтовщика и настоял на неременной его высылке из Петербурга под надзор полиции. Всего высочайшим повелением в Сибирь было сослано 22 участника, а к дознанию по этому делу приведено 250 человек из разных городов. Но о полном разгроме законспирированной ячейки говорить не приходилось.

– В завалах обнаружили труп одного из злоумышленников. Личность пока не установлена. Однако в кармане было обнаружено вот это. С этими словами Мезенцев извлек из папки и положил на стол измятый клочок вощенной бумаги с непонятными каракулями. – Обратите внимание на этот край, ваше превосходительство, – указал он на типографский оттиск золотой краской в самом верху листа.

Август Рейнгольдович надел пенсне, придвинул к глазам бумажку и увидел набор букв: «Ekselansları Türkiye'nin Rus İmparatorluğu Büyükelçisi Hüsnî Paşa».

– Что это значит?

– Это страница из личной записной книжки турецкого посла.

Известие ошеломило сановника. Столь явное участие иностранного дипломата в беспрецедентной преступной акции могло привести к тектоническим последствиям. Причем меньше всего в этом была заинтересована сама Турция.

– Этого не может быть! – выдохнул Август Рейнгольдович.

– Естественно, посол Хусни-Паша решительно отверг любые подозрения в разрушении русского военного завода... – продолжил начальник штаба жандармов, уже успевший побывать на Дворцовой набережной, 8, где располагалось турецкое посольство. – Уверяет, что записная книжка была у него украдена неделю назад.

– Ну вот видите! – зацепился за показания посла полицмейстер. – Явная провокация.

– Заявлений о пропаже в полицейском управлении нами не обнаружено.

Обер-полицмейстер помолчал, обдумывая услышанное.

– А о чем сам текст записки?

– По всей видимости, применено шифрование, – смутился генерал, – в ближайшее время мы раскроем смысл послания.

Сановник без сил опустился за стол и обхватил голову руками.

– Но зачем? – страдальчески протянул он.

В кабинете воцарилась тишина. В поисках разгадки в голове Августа Рейнгольдовича снопами искр пошли вспыхивать связанные с Османской империей факты. За период трех последних царствований Россия и Турция дважды сталкивались на военном поле. В 1853 году Николай I начал Крымскую войну, закончившуюся спустя три года поражением русской армии. Затем была Балканская кампания 1877–1878 годов с сокрушительным реваншем, включавшим присоединение двух новых губерний – Карсской и Ардаганской. С той поры две империи избегали обострений и старались не конфликтовать на дипломатическом поле. Откровенно говоря, у каждой стороны хватало собственных забот. А у Османской империи имелись проблемы не только внутреннего порядка, но и по части территориальной целостности: не успели утихнуть армянские восстания, как турецкой армии пришлось вступить в войну с греками за остров Крит, где взбунтовалось христианское население.

Конечно, исторические отношения между государствами оставались непростыми – ни один из османских правителей не посещал России, в отличие, скажем, от Парижа и других европейских столиц, куда султан Абдул-Гамид II неоднократно наведывался с государственными и частными визитами. И все же сегодня свои геополитические устремления Российская империя предпочитала реализовывать не путем военных действий, а через налаживание добрососедских отношений. Только в прошлом году посол Хусни-Паша получил в подарок из Кабинета Его Величества золотую табакерку с бриллиантом и розами за 1514 рублей, а его советник Али-Фероу-Бей был одарен перстнем с сапфиром.

Буквально неделю назад великий князь Сергей Александрович отправил в турецкую армию целый санитарный отряд Иверской общины из двадцати человек, чтобы лечить и выхаживать пострадавших в стычках с повстанцами. Это вызвало заметное раздражение в обществе, поэтому следом Главное управление Российского Отделения Красного Креста снарядило другой отряд – в греческую армию: если официально Россия и не могла поддержать авантюру полковника Вассоса³, то симпатии простого народа традиционно оставались на стороне православных братьев, угнетаемых Портой.

«Кто? – недоумевал обер-полицмейстер. – Кому понадобилось раздувать в Петербурге международный скандал, явно грозящий дальнейшей экзальтацией общественного сочувствия? Кому и какая выгода с этого?»

– Разрушения значительные, – помолчав, вступил начальник штаба жандармов.

Август Рейнгольдович оставил свои размышления и обратил взор к генералу.

– По нашим расчетам, на восстановление потребуется месяца три, не менее, – продолжил Мезенцев. – На Ижевском и Тульском заводах производственные мощности сравнительно невелики. Я не сторонник резких высказываний, но программа перевооружения под угрозой срыва.

Жандармский генерал имел в виду план перевооружения армии трехлинейками образца 1891 года, принятый Советом по обороне империи. К середине следующего года предполагалось поставить в войска 2 миллиона новых винтовок, для чего из бюджета Военного ведомства было ассигновано свыше тридцати миллионов рублей, включая расходы на производство патронов и пороха.

– Турецкий след, говорите? – задумчиво произнес обер-полицмейстер.

Он подошел к генералу.

³ Тимолеон Вассос (1836–1929) – офицер греческой армии, возглавивший наскоро сколоченный экспедиционный корпус, прибывший на Крит в 1897 г. с целью защиты православного греческого населения от турецких гонений.

– Анатолий Францевич, заклинаю: ищите настоящих преступников. Верить в участие турков в Сестрорецком взрыве я решительно отказываюсь. Есть в этом деле какая-то другая сила. Цели ее нам пока неясны, но уверен – скоро они проявятся. Нельзя терять ни минуты.

В это время в квартиру убитого Лундышева вернулся возбужденный Жарков. Мебель в гостиной была сдвинута, дворники сворачивали испачканный кровью ковер. Вдова находилась здесь же. Не касаясь спинки венского стула, она сидела с безупречно прямой спиной и неотрывно смотрела в окно, пережидая, пока комнату не освободят от следов убийства.

Жарков велел работникам обождать в передней.

– Сударыня, где портфель вашего мужа? – спросил криминалист без лишних вступлений.

– Портфель? Какой портфель?..

Вдова медленно обернула лицо к Жаркову. Казалось, мыслями она была далеко отсюда, и вопрос вынудил ее вернуться в горькую действительность.

– Зачем вы мучаете меня? – Подбородок женщины дрогнул, и из глаза капнула слеза.

– Понятно, – нетерпеливо проворчал Петр Павлович и указал на дверь в соседнюю комнату: – Кабинет?

Вдова, как замороженная, проследила за направлением руки недоумевающим взглядом. Не дожидаясь ответа, Жарков распахнул дверь.

Осмотр ничего не дал. Петр Павлович вернулся в гостиную.

– Ваш муж пришел со службы с портфелем. Где он?

– Его убили, – тихо произнесла женщина.

– Портфель! – возвысил голос криминалист, не в силах побороть охватившее его волнение.

Лундышева замолчала, с удивлением глядя на разгоряченного господина.

Жарков отправился в столовую, потом побывал в спальне.

– В квартире есть сейф? – спросил он, не сумев обнаружить нужной вещи. – Может быть, тайник? Думайте, сударыня! Это очень важно.

– Александр Петрович не посвящал меня в служебные дела, – наконец подала голос вдова и опять оборотилась к окну.

Глава 6

В редакции

Ардов не удивился, застав главного редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» за обновлением художественной экспозиции, которую он разместил в стенах редакции. Года три назад Клотов всерьез увлекся современным искусством и с той поры все доходы от издательской деятельности пускал на пополнение коллекции. Он был воинственным апологетом новых форм, и потому стены редакции украшали весьма экстравагантные полотна, которые нередко вызвали возмущение посетителей, приносивших в газету частные объявления. В конце концов Клотов выделил для приема визитеров отдельный закуток, куда определил наиболее традиционные по сюжету произведения, исключив обнаженную натуру и прочие вольности.

Сейчас глава редакции был охвачен поиском подходящего места для двух мраморных голов, которые предполагалось установить на выкрашенных белой краской подставках в виде невысоких античных колонн. Одна голова лежала в опилках в открытом ящике на полу, а вторую, обливаясь потом, таскал по залу щуплый длинноволосый юноша – помощник редактора Арсений Карлович. Столы в зале были сдвинуты, и рабочие носили колонны с места на место, приставляя к стене в разных местах по приказу начальника. Арсений Карлович водружал мраморную голову на подставку, а Клотов принимался кружить между столами, оценивая с разных точек местоположение; признав его недостаточно выразительным, он кричал «Нет!» и требовал освоения нового пространства.

Многочисленные сотрудники, привыкшие к бурному темпераменту руководителя, продолжали невозмутимо работать в самых невероятных местах и позах: один вел беседу по телефону, взгромоздившись на подоконник рядом с фикусом; другой поставил пишущую машинку на стул и печатал, опустившись перед ней на колени; третий вообще забрался под стол, где красным карандашом правил гранки, разложившись прямо на полу.

Вокруг Клотова стайкой перемещалась группа редакторов, поскольку одновременно с преобразованием пространства глава издания проводил летучку, выбирая наиболее эффектные новости в утренний выпуск.

– С датского острова Шпицберген запустили наполненный водородом воздушный шар, – пробубнил красноносый редактор с обвислыми усами. – Цель экспедиции – впервые достигнуть Северного полюса по воздуху. Экспедицию возглавил шведский воздухоплаватель Саломон Август Андре.

– Это ж сколько на эту блажь денег изведут? – прикинул Клотов, продолжая следить за перемещением головы.

– Организация экспедиции обошлась в 130 тысяч крон, – невозмутимо продолжил доклад красноносый редактор, – из которых 65 внес фабрикант Нобель, а еще по 30 тысяч пожертвовали король Швеции и барон Диксон.

– Арсений Карлович, нос к окну разверните! – крикнул Клотов ассистенту, который все никак не мог уловить оптимальное положение скульптуры. – А еще пять тысяч кто дал? – повернулся Клотов к вислоусому репортеру; тот растерялся. – Нет! – отверг новость редактор. – Когда разобьются – тогда напишем. У вас что? – повернулся он к седовласому старичку в пенсне с острой бородкой.

Старичок перелистнул несколько страниц блокнота и зачитал:

– В Лондоне установили газовые фонари, которые не только освещают улицы, но и работают как автоматы, предлагая горячий кофе, чай и какао.

– Ого! – оценил изобретательность англичан Клотов.

– Помимо этого, в фонарях можно купить сигареты и почтовые открытки. А одна из моделей также снабжена телеграфом, по которому можно передать сообщение напрямую в Скотланд-Ярд.

– И все это на газу?

Старичок кивнул.

– Нет! – возвысил голос Кловов.

Седобородый редактор хотел было перелистнуть блокнот в поисках нового сообщения, но понял, что возглас относился не к новости про газовые чудо-фонари «Pluto Lamp», а к очередной неудаче с многострадальной мраморной головой.

– Давайте сюда, – указал редактор на стеклянную дверь в собственный кабинет. – Ставьте здесь, по бокам.

Рабочие принялись раздвигать столы, чтобы очистить путь к новому месту. Сотрудники редакции опять пустились в движение.

– Про фонари ставим в номер, – согласился Кловов. – С добавкой, что у нас, к сожалению, такое приживется не скоро ввиду низкой культуры населения: начнут совать всякую дрянь вместо денег. Или сдачу требовать с двугривенного. С автомата – сдачу! Чем это закончится? Верно, разгромом и крушением. К каждому фонарю городского не приставишь.

Третий редактор, лощеный молодой человек в клетчатом костюме с напыженными волосами, сообщил об инаугурации 25-го президента Северо-Американских Соединенных штатов Уильяма Мак-Кинли.

– Выступил с речью. Обещает ввести «золотой стандарт».

– Хм... – задумался Кловов. – Неужели банкиры разрешат ему набросить ошейник на ничем не ограниченную эмиссию? Как бы его не хлопнули вслед за Линкольном. Тот, помнится, тоже сделал невыгодным выпуск денег для банкиров... Да! Да! Ну, конечно!

Последние возгласы ознакомили найденное наконец-то местоположение мраморных голов – по сторонам от дверей в кабинет.

– Доставайте вторую, Арсений Карлович, – указал Кловов на ящик с опилками. – А в криминальную хронику что-нибудь есть?

– Убит репортер Чептокральский.

Это прозвучал голос Ардова, который некоторое время наблюдал за происходящим и наконец решил обнаружить себя. В зале воцарилась тишина, дюжина голов обернулась в сторону чиновника сыскного отделения. Чептокральский был фигурой если и не легендарной, то уж точно всем известной.

Сыщик следил за реакцией главного редактора. Тот на мгновение замер, потом распростер руки навстречу гостю, словно собирался обнять, и расплылся в улыбке.

– Илья Алексеевич, – радостно протянул хозяин «Санкт-Петербургских ведомостей», – наконец-то вы к нам заглянули!

Редакторский улей продолжил привычное свое гудение, словно тут же позабыл про только что объявленную смерть коллеги.

– Полюбуйтесь!

Кловов отскочил в сторону и указал на мраморные головы, наконец-то нашедшие покой на подставках.

– Работа Макса Клингера⁴, – похвастался он. – А? Каково?

Ардов подошел ближе. Головы сизого мрамора с желтоватыми прожилками производили впечатление натуральных, слегка оплывших, только что срезанных с плеч утопленников. Глазницы были заполнены пастой красного цвета, отчего мертвенные лица походили на демонов преисподней со светящимися адским пламенем глазами.

⁴ Макс Клингер (1857–1920) – немецкий художник, график и скульптор, представитель символизма.

– Подумываю, не пора ли учредить глиптотеку⁵, – хохотнул главный редактор. – Вы слышали? В Копенгагене только что открыл такую Карл Якобсен, сын пивного магната Карлсберга. Там одного Родена около тридцати работ... У меня, конечно, пивоварен нет, но кое-чем удивить публику смогу...

Илья Алексеевич ощутил запах грибов и привкус тины во рту; голос Клотова ложился на лоб, щеки и губы бурой липкой паутиной. Ардову стоило больших трудов не начать убирать эту воображаемую паутину с лица.

– Он гений, не находите? – ворковал газетчик, принявшись исполнять вокруг гостя какой-то замысловатый пластический этюд. – Истинный *enfant du siecle*⁶, замороженный тенями мистических глубин. Если Бердслей – жрец Астарты, то Клиnger – мистик из братства Дюрера и Гольбейна. Оцените эту скорбную вдумчивость, драматический пафос... Вот эта складка... – он ткнул мизинцем в насупленную бровь мраморной головы. – С этими символами, окутанными чарами пантеизма, надо вступить в интимную близость, сродниться, чтобы ощутить скрытую страсть и душевную муку.

– Мне надо задать вам несколько вопросов, – сказал Ардов, зная, что этот бессмысленный словесный поток может исторгаться из Клотова часами, если не сутками.

– Прошу! – мгновенно переключился газетный магнат и распахнул двери кабинета.

– Когда вы видели Чептокральского в последний раз? – спросил Илья Алексеевич, когда Клотов устроился у себя за столом.

– С утра был. В невероятно возбужденном состоянии. Пообещал разоблачения в вопросах вооружения русской армии.

– Разве это его тема?

– В том-то и дело, что нет! Да вы сами прекрасно знаете.

Не усидев, Клотов опять вскочил, обошел стол и нагнулся к уху сыщика.

– Но с недавнего времени он стал приносить материалы о перевооружении армии.

Многозначительно помолчав, главный редактор отложил в сторону лежавший на столе свежий номер газеты, под которым открылась стопка каких-то эскизов. Он принялся задумчиво перебирать листы с рисунками.

– Разве это интересно читателю? – поинтересовался Илья Алексеевич.

– Конечно! Это же колоссальные подряды! Взятки, коррупция, нити тянутся на самый верх! Посмотрите! – он показал Ардову картон с гуашью. – Между прочим, это Мозер! А это – Штер... А вот сам Климт!

Илья Алексеевич бросил взгляд на наброски, залитые пятнами краски.

– Я только что из Вены, – доверительно сообщил Клотов. – Они задумали учредить сецессион⁷, чтобы наконец-то порвать с господствующим в венском Доме художников консерватизмом. Я предложил им издание собственного журнала – «*Ver Sacrum*»⁸. Как вам название?

Постучав, в кабинет заглянул Арсений Карлович и показал гранки.

– Пора в печать, – извиняющимся голосом сообщил он.

Клотов жестом велел положить листы на стол, обмакнул перо и, взглянув на хронограф из жилетного кармана, проставил в выходных данных время отправки номера в печать.

– Откуда у Чептокральского были сведения? – спросил Ардов, дождавшись, пока помощник оставит кабинет.

⁵ Глиптотека – музей художественных изображений на камне.

⁶ Дитя века (*фр.*).

⁷ Сецессион (от *лат. secessio* – обособление) – немецкие и австрийские художественные общества конца XIX – нач. XX вв., возникшие на почве оппозиции академизму.

⁸ «Священная весна» (*лат.*).

– Не знаю, – пожал плечами газетчик. – Надо полагать, завелся какой-то источник по этому направлению...

Илья Алексеевич встал.

– А что с ним произошло? – наконец поинтересовался Клов.

– Застрелили, – сухо ответил Ардов и отправился к двери.

– Какой ужас, – индифферентно отозвался газетчик. – Впрочем, с его образом жизни следовало ожидать чего-то подобного.

– Что вы имеете в виду?

– Думаю, немало влиятельных господ имело зуб на него – уж слишком Чептокральский был любвеобилен.

Сыщик остановился в дверях:

– Полагаете, убийство не связано с его работой?

Клов не сразу нашелся с ответом.

– Уверен, вы сумеете установить истину, – наконец ответил он. – Если чем-то смогу помочь – всегда к вашим услугам.

На выходе из редакционной залы Илья Алексеевич попросил у Арсения Карловича адрес Чептокральского.

– Виноват, – скукожился молодой человек. – Он не оставлял-с.

Ардов сделал удивленный взгляд.

– Избегал визитов кредиторов, – поторопился объяснить помощник главного редактора. – Некоторые были весьма настойчивы...

– Хм... Как же мне выяснить его место жительства? – озадачился сыщик.

– Может быть, вам посетить салон баронессы фон Зиссен? – неуверенно предположил собеседник.

Ардов опять вопросительно взглянул на него.

– Простите, я думал, вы знаете... – отчего-то смутился Арсений Карлович. – Господин Чептокральский посещали заведение баронессы... Там ищет знакомств пресытившаяся публика...

– Вы сопроводите меня туда?

Интонация получилась, скорее, повелительная, и помощник главного редактора, вздохнув, повиновался.

Глава 7

Храм Эроса

В роскошно обставленной приемной в особняке на Невском Арсений Карлович о чем-то пошептался с господином распорядителем, и Ардова тут же снабдили карточкой, именовавшей его «почетным гостем эротического клуба «Храм Эроса».

За следующей дверью открылось фойе, декорированное розовым шелком; на стенах висели гравюры в черных резных рамах. Царил полумрак, прогуливались дамы в умопомрачительных туалетах и мужчины в смокингах и сюртуках.

– Очевидно, в залах еще не все готово, – предположил Арсений Карлович. – Здесь декорацию меняют два раза в неделю, привозят из-за границы.

Публика прибывала. Появились верткие старички, мелькнули совсем юные мальчишеские физиономии.

Наконец дверь в дальнем конце фойе распахнулась и оттуда ударил бледно-синий свет. Публика хлынула в открытую дверь.

Ардов вошел вслед за остальными и тут же испытал жгучий стыд. В глубине комнаты вдоль всей стены была выставлена композиция из живых людей, изображавших сцену утонченнейшего парижского разврата. Картина была задрапирована голубой кисеей и подсвечена особыми фонарями, отчего производила впечатление инфернальности. В углу из-под крышки рояля вытекало что-то волнительно-томное. Свет время от времени приглушался, и фигуры за кисеей меняли свои положения.

Несколько десятков налитых кровью глаз, искрящихся безумным блеском, неотрывно следили за меняющими позы обнаженными телами. Раскрасневшиеся потные физиономии выражали высшую степень извращенного сладострастия.

– Мне надо выйти! – шепнул Ардов и выскочил из зала.

– Да-с, на этот раз чересчур откровенно, – смущенно пробормотал Арсений Карлович, увлекая Илью Алексеевича в боковую дверь. – Давайте обождем пока в библиотеке, а потом пройдем прямо в концертный зал.

В библиотеке никого не было. Арсений Карлович призвал колокольчиком прислугу и потребовал ликеру.

– Скажите, вы не заметили каких-нибудь странных типов рядом с Чепторкальским в последние дни? – спросил сыщик, желая как-то отвлечься от увиденного.

– Вокруг него только такие и были, – с осторожной улыбкой ответил молодой человек и слегка развел руки, как бы указывая на окружающую обстановку.

Действительно, куда уж страннее.

– Может быть, военные? – предположил Илья Алексеевич.

Арсений Карлович, подумав, помотал головой.

– Может, с военной выправкой? – не оставлял попыток сыщик.

– С выправкой? Был такой. Появлялся пару раз.

У Ильи Алексеевича защипало в носу, а во рту разлился горьковатый вкус пижмы.

Принесли поднос с графином.

– Не желаете для первого раза несколько одурманиться? – осторожно предложил Арсений Карлович и протянул рюмку. – Нам ведь надо дождаться конца вечера...

Илья Алексеевич проглотил сладковатую жидкость и тут же продолжил:

– Каков он был из себя?

– Крепкий, – помолчав, определил Арсений Карлович и потянул из своей рюмочки. – Как будто вырезан из дерева, покрыт воском и отполирован.

– Лысый? – догадался сыщик.

– Угу, – кивнул собеседник. – И уха нет.

– Уха? – вскрикнул Ардов. – Слева?

– Кажется, слева, – подумав, определил помощник редактора и провел пятерней себе по щеке, показывая, как располагались шрамы у незнакомца.

Раздался серебряный звонок.

– Пойдемте, – сказал Арсений Карлович, – сейчас будет концертное отделение.

Вслед за провожатым Ардов прошел в большой полутемный зал. Его обдал густой сиреневый запах, перед глазами поплыли фиолетовые пятна, сквозь которые проступили звуки арф. Темп постепенно усиливался. Илью Алексеевича обволокла липкая паутина пряного чувства, музыка навевала что-то восточное, острое. Наконец над сценой, украшенной живыми цветами, взвился занавес и в зал хлынули волны красного света. На сцену выпорхнули танцовщицы в дезабилье. Начался танец.

Поначалу Илья Алексеевич очаровался гибкими изящными движениями, томной грацией и прелестью страстных порывов. Музыка и действие навевали непонятное возбуждение. Вдруг из-за кулис выскочили четверо мальчиков – совершенно обнаженных. Танцовщицы тут же изогнулись в томном призывном изгибе. Все действие мгновенно нарушилось каким-то цинизмом, пошлостью, отвратительным до тошноты жестом. Как ни красиво было сочетание молодых изящных фигур, от этого сладострастного восточного танца пахло чем-то гнусным, бесстыдным, отвратительным.

– Вторая справа, – прошептал Арсений Карлович, указывая на танцовщицу, которая, как он предполагал, могла навещать Чептокральского дома.

Действительно, после окончания концертного отделения Илье Алексеевичу удалось раздобыть у девушки нужный адрес.

Глава 8

Табакерка

– Последние! Последние дни приходят! – подвывая, причитала с утра нищенка на паперти Спаса-на-Сенной. – Вижу черных людей! Будет, будет нашествие... Будут черные люди христианскую кровь пить!

Растолкав зевак, пристав Троекрутов протиснулся к юродивой.

– Ты, мать, зачем народ смущаешь? – добродушно укорил он пророчицу. – Какое еще нашествие? Это ж политика, не твоего бабьего ума дело.

Бросив старухе монетку, Евсей Макарович велел собравшимся разойтись, а сам свернул на Горсткина, к своему участку.

Утро было на редкость уютным, ласковым, припекало солнышко. Пристав весьма удачно отчитался о двойном убийстве в департаменте, представив дело преступлением страсти, и теперь, поставив в храме свечку святому Евсевию, не спеша возвращался на службу, наслаждаясь благолепием и премудрым устроением жизни вокруг. Правда, спозаранку его успел порядком известить нелепейшими подозрениями криминалист Жарков, с чего-то решивший, что смерть Лундышева – результат заговора врагов Отечества. Петр Павлович кричал, размахивал руками и нес сущую околесицу – ругал гарвеевскую броню, сличал характеристики никелевой и хромистой стали и путано распространялся о свойствах водорода. Евсей Макарович насилиу уговорил криминалиста, к выходкам которого, по правде сказать, успел по привычке за долгие годы службы. Петр Павлович проявлял слабость к напиткам горячительного свойства, отчего имел склонность распалиться по ложным поводам.

В участке Евсей Макарович застал шум, пыль и разруху. Он совсем позабыл, что еще полгода назад выхлопотал в департаменте оснащение своего захудалого отделения системой водяного отопления низкого давления. В общем зале вся мебель была сдвинута к центру, а вдоль стен навалены трубы и выкрашенные зеленой краской чугунные радиаторы с вертикальными дисками. Несколько артельщиков долбили стены, выбирая желоба для скрытного размещения труб.

– Вы зачем это все тут разворотили, разбойники? – ошалел пристав. – Это же для какой надобности вы мне стену расковыряли?

К Троекрутову подскочил верткий улыбчивый тип с подвитыми усиками, который тут же раскатал перед хозяином участка рулон с чертежом. Это был инженер завода «Сан-Галли» с Лиговки, который и получил подряд на обустройство отопления в полицейском участке.

– Устраиваем по горизонтальной схеме, ваше высокоблагородие, – затараторил водопроводный мастер, тыча пальцем в рулон. – Извольте видеть – модель двухтрубная: вот по этим каналам пойдет нагретая вода, – он ткнул карандашом в вертикальные линии, – а сюда будем отводить охлажденную.

Евсей Макарович уставился на схему.

– Возле каждого прибора будут установлены регулирующие краны, – прикровенно сообщил господин, словно разговор шел о каком-то изысканном, но порицаемом обществом удовольствии.

Пристав поднял мутный взгляд и увидел Ардова, только что вошедшего в участок.

– Илья Алексеевич, – воскликнул Троекрутов в поисках сострадания, – полюбуйте, какую разруху нам тут учинили! Не иначе, турок три дня из пушки лупил!

Сыщик обвел взглядом артельщиков, долбивших стены, и с извинениями протиснулся между собеседниками к своему столу, успевшему покрыться толстым слоем пыли, поднятой рабочими.

– Не извольте беспокоиться, ваше высокоблагородие! – заверил пристава джентльмен с усиками. – Оборудование самое надежное, фасонные части и арматура – прямиком из Германии!

– Евсей Макарыч, разрешите? – побеспокоил начальника полноватый полицейский чиновник.

– Чего тебе, Облаухов? – обернулся пристав, радуясь возможности оставить разговоры об арматуре и фасонных частях.

– Радиаторы закроем решетками, – попытался продолжить разговор инженер и даже вынул из папки какие-то рисунки.

Однако Евсей Макарович интереса к рисункам не проявил и всем своим видом дал понять, что намерен уделить сугубое внимание внезапному докладу подчиненного. Уразумев, что аудиенция окончена, инженер отправился к дальнему углу, где рабочие подготавливали место для соединения труб.

– Тут вот Хныкин пришел, – Облаухов указал на дверь в приемную залу, в проеме которой кланялся рябой человек с картузом в руках, – хозяин лавки в Спасском переулке.

– И чего? – не понял Троекрутов.

– Докладывает, табакерку ему на продажу принесли.

Евсей Макарович какое-то время обдумывал, какой вывод следует сделать из этого сообщения.

– И чего? – опять не понял он.

Хныкин не выдержал и, не переставая кланяться, двинулся к начальнику участка.

– Уж больно дорогая табакерочка по виду, ваше благородие, – пояснил он причину беспокойства. – Хотел справиться, нет ли на ней какого дела?

Подойдя, торговец с очередным поклоном протянул карманную табакерку. Изящная золотая коробочка была покрыта синей эмалью по гильошированному⁹ фону и украшена накладным серебряным орнаментом. По центру размещался откидной медальон с вензелем Николая II из алмазных роз, под которым Евсей Макарович обнаружил миниатюрный портрет самого императора, исполненный акварелью по слоновой кости.

Вещица была явно не рядового порядка. Эдакая и в царских руках смотрелась бы нестыдно. Повертев драгоценность в руках, пристав обратил вопросительный взгляд на Облаухова.

– По заявлениям пропаж не было, – тут же доложил Константин Эдуардович, без лишних слов отгадав, каким вопросом желал озадачить его начальник. – И в управлении нет, я справился, – добавил он, будучи горд проявленной расторопностью.

– А кто принес-то? – оборотился Троекрутов к Хныкину.

– Да в том-то и дело, ваше благородие, – понизив голос, заговорил лавочник и приблизился вплотную к господину майору. – Подозрительный человек принес.

– Чем подозрителен-то?

– Одет прилично, тут ничего не скажу.

– Так что ж ты барагозишь?¹⁰ – Троекрутов никак не мог взять в толк, что озадачило хозяина лавки.

– Увечье у него имеется, – помявшись, признался Хныкин таким тоном, словно говорил о чем-то неприличном. – Вместо ладони только три пальца торчат – длиннющие, как у паука! –

⁹ Гильош (от *фр.* Guilloché) – узор из волнистых линий.

¹⁰ Барагозить – скандалить, шуметь.

Лавочник ткнул тремя пальцами в лицо Евсею Макаровичу, отчего тот слегка пошатнулся. – И верткие – страсть! Он их наподобие гадюк из рукава выпрастывает.

– Пальцы – не преступление, – подумав, вынес определение Троекрутов, вернул табакерку и собрался было двинуться к себе в кабинет.

– Евсей Макарович, это еще не все! – поторопился задержать начальника Облаухов.

Участковый пристав в нетерпении обернулся, всем видом показывая раздражение от этих глупых разговоров.

– Слух такой про него идет, будто это Кура-Цыруль, маравихер¹¹ из Одессы, – вращая глазами, сообщил главное опасение Хныкин.

Это уже было посерьезней. Евсей Макарович задумался и протянул ладонь, на которую лавочник с готовностью опустил золотую штучку.

– На гастроли, что ли, к нам? – пробормотал начальник участка.

Образовалось молчание, во время которого был слышен только грохот железных молотков, которыми артельщики налаживали систему отопления.

– Так что прикажете с табакерочкой, ваше благородие? – спросил Облаухов.

– Оформляй временное изъятие, – пришел в себя пристав. – А ты вот что, Хныкин, – ткнул он в живот лавочника. – Ежели придет к тебе этот господин, вели ему ко мне идти – мол, полиция желает по этой табакерочке справки навести. Уж больно, скажи, подозрительный запах от нее идет.

– Слушаюсь, ваше благородие! – с чувством отозвался Хныкин.

¹¹ Маравихер – вор (*блатн.*).

Глава 9

Версии

– Экспертиза дала ожидаемые результаты, Илья Алексеевич, – без всяких вступлений начал Жарков, когда Ардов закончил наконец писать кучу обязательных отчетов и заглянул в прозекторскую.

Криминалист пребывал в том состоянии воинственного возбуждения, в которое обыкновенно приходил к концу дня, незаметно потягивая бурую жидкость из эрленмейера¹², стоявшего в стеклянном шкафчике с реактивами. То обстоятельство, что сегодня свою дневную норму Петр Павлович умудрился выполнить к полудню, говорило о чрезвычайном расположении духа, в которое почему-то он впал.

– Обе жертвы получили пули из одного и того же револьвера, – сказал он и как-то странно хмыкнул, глядя в сторону. – А это значит, что в убийстве замешан кто-то третий.

Илья Алексеевич опешил от столь причудливого кульбита мысли.

– Какой же третий? – спросил он. – По-моему, ваша экспертиза лишний раз подтверждает версию господина пристава.

– Безусловно, – еще более парадоксально высказался Жарков, – но лишь в той части, которая касается вопроса супружеской неверности. Думаю, жена Лундышеву оказалась неверна, да-с.

С этими словами криминалист полез в шкафчик унимать накатившее волнение.

– Мне это утверждение совсем не кажется безусловным, но пока я не готов вступать в полемику по этой части, – как можно аккуратнее поделился мнением Ардов. – Однако же откуда вытекает ваша уверенность в участии третьего?

– Такие, как Лундышев, самоубийством не кончают... не-е-е-ет, не кончают... – Жарков склонился к уху Ильи Алексеевича и жарко зашептал: – Есть все основания полагать, что Лундышев был застрелен неизвестным, и эту линию надо расследовать.

– Какие «такие», Петр Павлович? Люди как люди.

– Он член Комиссии по изготовлению броневых плит, допущенный к государственным тайнам первого разряда.

– Откуда вы узнали про комиссию?

– Навел справки, – неопределенно отозвался Жарков и опять хмыкнул. – Я думаю, некто пришел вместе с Лундышевым! – без каких-либо обоснований выпалил он, как будто полагал, что от многократного повторения этой гипотезы она сама собой наполнится жизнью и обретет черты правдоподобия. – Убил Чептокральского, а потом и самого Лундышева.

Сделав паузу, Петр Павлович опустошил колбу с бурой жидкостью и на несколько мгновений впал в задумчивость.

– Как вы понимаете, пороховые следы отлично подтверждают эту версию, – сказал он, вынырнув из инобытия.

Илья Алексеевич никак не мог понять, зачем Жаркову понадобилось приплетать в эту историю еще кого-то. Безусловно, имелись некоторые улики, говорившие в пользу третьего участника: свидетельство о некоем одноухом, оказавшимся во дворе в момент убийства; свежий клочок ткани на крыше, по которой он мог оставить место преступления; наконец, бочонок у дровяного сарая, очевидно, заранее приготовленный для удобства побега. Но, во-первых, этот набор пока не находил в голове Ильи Алексеевича никакого разумного положения

¹² Колба Эрленмейера – тип лабораторных колб с плоским дном, коническим корпусом и цилиндрическим горлышком.

и катался подобно бильярдным шарам из стороны в сторону, а во-вторых, ни одно из этих обстоятельств не могло быть известно Жаркову.

– Пороховые следы говорят лишь о том, что выстрел был произведен с близкого расстояния, – сухо заметил Ардов. – Напомню вам также, Петр Палыч, что вы сами определили направление раневого канала снизу вверх, что фактически свидетельствует в пользу самоубийства.

– Отнюдь, – энергично возразил Жарков. – Отнюдь! Почему вы исключаете, что убийца мог встать, например, на колено?

– Он же не цирковой номер исполнял! – возмутился Илья Алексеевич.

– Да при чем здесь! – вспыхнул криминалист. – Опустился, чтобы проверить, жив ли Чептокральский после ранения, пощупал пульс, зрачки... потом схватил револьвер и – бац! – всадил пулю в Лундышева. И – стрелка через окошко.

– А Чептокральского кто убил?

– Он же и убил. Он ведь был заодно с Лундышевым. Потому и беспокойства своим поступком у него не вызвал...

Больше всего Ардову сейчас хотелось спросить товарища напрямую, что произошло и почему он решил наводить тень на плетень, но Илья Алексеевич хорошо знал Жаркова и понимал, что такой прямой выпад не приведет к положительному исходу – ответом будут обида и повышение градуса беспокойства.

– А мог и сам Лундышев убить, – продолжил городить гипотезы Петр Павлович. – Не вижу тут ничего удивительного. Лундышев убил Чептокральского, а третий отоварил его самого.

– Зачем им надо было убивать Чептокральского? – Илья Алексеевич сделал попытку призвать к логике.

– Да какая разница! – воскликнул Петр Павлович, чем окончательно сбил с толку сыщика. – Не в нем дело!

– А в чем?

– Третьего надо искать!

Жарков закурил и пустил в форточку едкий дым.

– Надо искать третьего, – повторил он, словно какие-то высшие силы следили за тем, чтобы он постоянно на разные лады повторял эту фразу.

– Ваше предположение выглядит маловероятным, – все же не выдержал сыщик и перешел в наступление. – Если Чептокральский шел на деловую встречу, зачем ему понадобились букет и бутылка? Сама же Лундышева не подтверждает, что был кто-то третий. И как, в конце концов, быть с запиской, которой она вызвала на встречу Чептокральского?

Жарков шумно засопел и принялся греметь колбами на подоконнике, решая, куда следует сбить пепел.

– Вам не угодишь! – пробормотал он. – Вы же сами выгораживали жену капитан-лейтенанта! Теперь хотите ее потопить.

– Я хочу установить истину, – смутившись, ответил Ардов.

– Да любовник это все устроил! – развернувшись, страдальческой колоратурой пропел Жарков и даже хлопнул себя руками по бокам, словно устал терпеть ардовскую непонятливость. – Любовник этой самой Серафимы Сергеевны! Он и был третьим. Вместе они это дело обстряпали, потому и молчит она, не выдает подельника.

Илья Алексеевич совершенно ошалел от такого поворота.

– Вместе эту картину ревности исполнили! Чтобы уж никаких сомнений ни у кого не осталось, – продолжал криминалист. – Она специально вызвала Чептокральского запиской, чтобы привести его в лапы к мужу. Тут любой мог оказаться, не в нем дело.

– А в чем же? – едва не воскликнул Илья Алексеевич, который, кажется, начал терять рассудок в этом безумном хороводе мыслей.

– А вот в чем! – крикнул в ответ Жарков и взмахнул каким-то голубоватым бланком.

Ардов взял бумагу в руки. Это была справка из Санкт-Петербургского частного коммерческого банка, извещавшая о том, что на счету в указанном учреждении у г-на Лундышева А. П. хранится сумма в размере 6670 рублей.

– Теперь вам все ясно? – торжествующим тоном осведомился Жарков. – После смерти супруга деньги унаследует вдова.

– Откуда у него такие средства?

– Думаю, надо начать с Обуховского завода! – уверенно заявил криминалист, почувствовав, что сопротивление оппонента сломлено. – Сейчас же!

Глава 10

Судьба Отечества

Правление Обуховского сталелитейного завода располагалось в здании Главного Адмиралтейства. Чинов полиции встретил помощник начальника управления, инженер-механик Гаген-Торн. Известие о смерти Лундышева явилось для него полнейшей неожиданностью и произвело сильное впечатление. Он с готовностью вызвался проводить гостей в чертежную мастерскую, где у покойного было рабочее место.

– Что можете сказать о Лундышеве? – не теряя времени, приступил с расспросами Жарков по пути к мастерской.

– Как вам сказать... – отозвался Гаген-Торн. – Александр Петрович был человеком сумрачным, нелюдимым. Откровенно говоря, сослуживцы его сторонились.

– Видели вы его в обществе иностранных подданных?

– Конечно! Ведь он был горячим сторонником внедрения на нашем заводе производства брони по методу «Фридриха Круппа». Это германская фирма. Делегация оттуда недавно была у нас с визитом. Александр Петрович много общался с их главным инженером.

– Каково ваше мнение относительно качества крупповской брони? – не унимался Жарков.

– В настоящее время общепризнано, что это наилучшая корабельная броня. Александр Петрович лично устроил испытания образцов у нас на полигоне.

– И как?

– Результаты выше всяких похвал.

– В чем секрет?

– Свой рецепт немцы не раскрывают, – с досадой ответил помощник начальника управления.

– И требуют за него немалые деньги, – уточнил Петр Павлович.

– Угу, – вздохнул провожатый.

– Сколько?

– Не менее 100 тысяч в год на первые шесть лет.

Петр Павлович бросил Ардову многозначительный взгляд, как будто давал сигнал приготовиться к важной операции, которую намеревался сейчас исполнить.

– А о том, что немцы требуют закупить у германских фирм новые станки и механизмы, мы молчим, да? – запальчиво поинтересовался он у инженера. – Что понадобится строительство газового завода, нового прокатного цеха, мартеновской мастерской – это мы в расчет не берем?

Гаген-Торн с опаской посмотрел на визитера.

– Электродвигатели германской фирмы «Шуккерт» из каких источников предполагаете покупать? – продолжал сыпать каверзами Жарков, поражая спутников невероятной осведомленностью в вопросах производства корабельной брони нового типа.

– Из кредитов, выделенных на новое судостроение... – наконец ответил инженер, не понимая природы жарковского возбуждения. – Великому князю Алексею Александровичу¹³ предоставлена справка-ведомость на все заказы...

– А мы сами, стало быть, изготовить бронеовые плиты подобной прочности не можем?

– Не можем...

Гаген-Торн наконец подвел чинов полиции к столу Лундышева.

¹³ В это время – управляющий морским ведомством.

– А какое отношение это имеет к смерти Александра Петровича? – наконец поделился он недоумением, которое вызвала у него исполненная Жарковым эскапада.

С не меньшим удивлением наблюдал за ходом дискуссии и Ардов.

– Мы обязаны проверить все версии, – уклончиво ответил криминалист и принялся перебирать папки на столе.

Воспользовавшись затишьем, в разговор вступил Илья Алексеевич:

– Скажите, вчера Лундышев ушел со службы раньше обычного?

– Да, я лично отпустил, – подтвердил Гаген-Торн. – Сказал, требуют семейные обстоятельства.

На этих словах Жарков опять бросил Ардову взгляд с особым значением, как будто прозвучавшее признание окончательно расставляло все по местам.

– Как, по-вашему, повел бы себя Лундышев, если бы застал супругу в объятиях любовника?

– Мне кажется, вопрос не слишком деликатный... – попытался было уклониться инженер.

– И все же я вынужден настоять, – проявил твердость сыщик.

– Как я уже говорил, Александр Петрович имел непростой характер... – принялся подыскивать слова Гаген-Торн. – Вспыхивал мгновенно! Полагаю, это было следствием контузии. Впрочем, и отходил быстро. Извинялся.

– Он мог в приступе гнева выстрелить в соперника? – прямо спросил Илья Алексеевич.

– Вне всякого сомнения, – вздохнув, без особого желания признал очевидное инженер. – Некоторое время назад его на время даже лишали права ношения табельного оружия – он угрожал мичману Прохоренко по пустяшному поводу.

Илья Алексеевич вернул Жаркову взгляд – мол, видите, версия самоубийства в состоянии аффектации имеет вполне очевидные основания.

– Что и требовалось доказать! – воскликнул криминалист и хлопнул ладонью по столу: под ней оказался корешок железнодорожного билета, извлеченный из ящика стола. – Сестрорецк!

Гаген-Торн и Ардов переглянулись. Поведение Жаркова вызывало все большее беспокойство.

– Неделью назад... – сообщил Петр Павлович, указывая на штампель с датой поездки. – Странно, не правда ли?

Глаза криминалиста блестели, как у охотника, напавшего на след.

– Что же тут странного? – аккуратно поинтересовался Ардов, желая вернуть товарищу равновесие чувств.

– Это вы его отправляли? – с вызовом спросил Жарков у инженера.

– Нет, – ответил Гаген-Торн и посмотрел на Ардова, чувствуя, что встреча явно приобретает черты сумасбродства в сравнении с обычным ходом такого рода процедур. – Насколько мне известно, он ездил туда по обстоятельствам личного свойства.

– Прекрасно! – все более распалялся Жарков. – Очень хорошо! Мы считаем, что смерть Лундышева с ревностью никак не связана, – окончательно выбил он Ардова из равновесия.

– О чем вы, Петр Палыч? – не выдержал сыщик.

– Есть основания полагать, что Лундышев был связан с турецкими шпионами!

Это была новая вершина абсурда, на которую умудрился взобраться криминалист в ходе визита в правление Обуховского завода.

– Это мы изымаем для экспертизы! – взмахнул он папкой с результатами испытаний крупнопанельной брони.

Гаген-Торн обратил к Ардову недоуменный взгляд. Илья Алексеевич подступил к Жаркову.

– Петр Палыч, думаю, нам следует продолжить в участке, – сухо проговорил он.

– Да, да, конечно, – как будто согласился криминалист, но тут же поделился новым невероятным эвенементом¹⁴, – следствие считает, что Лундышев имеет отношение к теракту на Сестрорецком военном заводе!

Это уже выходило за всякие границы благоразумия.

– Какое следствие?! – возвысил голос Ардов.

Он, конечно, читал в газетах о Сестрорецком взрыве – вчера утром новость об этом дали «Санкт-Петербургские ведомости», а уже к вечеру подхватили и остальные, склоняя на все лады «турецкий след», якобы обнаруженный Отдельным корпусом жандармов, взявшим расследование в свои руки. Но при чем здесь несчастный Лундышев?

– Петр Павлович, что с вами?!

– Не будьте дураком, Ардов! – закричал Жарков – как видно, содержимое эрленмейера, перекочевавшее в желудок криминалиста в полном объеме, привело сознание обычно сдержанного Петра Павловича в состояние иступления и неистовства, в котором он имел свойство выкидывать весьма экстравагантные коленца. – И не пытайтесь уличить меня в подлоге! Это недостойно, слышите? Недостойно!

Совершенно потеряв покой духа, Жарков направился к выходу, но на полпути развернулся и принялся энергично грозить пальцем.

– Носитесь с этим вашим писакой как с писаной торбой! – обратился он к Илье Алексеевичу, очевидно, имея в виду интерес сыщика к обстоятельствам, приведшим репортера Чептокральского в дом Лундышева. – И того понять не можете, что сейчас на кону – судьба Отечества! О-те-чес-тва, слышите?!

– Петр Павлович... – только и сумел молвить Ардов.

– И этот ваш индивидуализм мне, Ильи Алексеевич, не близок! Да-с, не близок!

С этими словами Жарков покинул помещение, хлопнув дверью и оставив присутствующих в полнейшем недоумении.

Илья Алексеевич помолчал.

– Скажите, не служит ли у вас человек без уха? – спросил он, чтобы хоть как-то загладить неприятный финал разыгравшегося представления.

– Нет, – отозвался Гаген-Торн.

Постояв, Ардов обозначил поклон и собрался было уйти.

– Но он приходил.

Сыщик обернулся. Рот мгновенно наполнился горьким вкусом пижмы вперемешку с мочеными яблоками.

– В тот день приходил, – уточнил помощник начальника управления. – К Александру Петровичу.

¹⁴ Эвенемент (от *фр.* *evenement*) – необычное событие, сенсация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.